

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 7

**Санкт-Петербург
2008**

V. Хроника научной жизни

О.В. Кулишова, А. Васильев
«Религия в жизни античного общества»
(студенческая научная конференция на
Историческом факультете СПбГУ)

26-27 февраля 2008 года на кафедре истории древней Греции и Рима исторического факультета СПбГУ состоялась традиционная ежегодная студенческая научная конференция «Религия в жизни античного общества», организованная кафедральным Студенческим научным обществом при поддержке Центра Антиковедения СПбГУ. Программа конференции, посвященной в этом году теме «Религия в жизни античного общества», включала обсуждение 12 докладов, подготовленных студентами, аспирантами и преподавателями не только Санкт-Петербургского государственного университета, но и других высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

Первое заседание (председатель – профессор О.В. Кулишова), состоявшееся 26 февраля, открылось докладом заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ, профессора Э.Д. Фролова «Культ героя-покровителя в греческом полисе: Тесей в Афинах». В своем докладе Э.Д. Фролов постарался показать мифолого-исторические корни предания о Тесее. Надо различать два разных пласта в этом предании: собственно-мифологический, приведший к формированию образа Тесея как мифологического героя наподобие Геракла и исторический, связанный с представлением о Тесее как древнем реформаторе Афинского государства. Во втором случае, в свою очередь, надо различать два разных исторических образа: один, связанный еще с микенс-

ким временем, представляющий Тесея афинским царем в XIII в. до н.э., а другой, представляющий его же, реформатором в Афинах на рубеже X – IX вв. до н.э. Возникновение этих двух разных образов остается загадкой, а их контаминация осложняет возможное решение проблемы. В любом случае показательны усилия афинян в классическую эпоху (в V в. до н.э.) создать из Тесея собственного национального героя того примерно типа, каким был Геракл у дорийцев.

Доклад Т.В. Кудрявцевой, доцента кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена, был посвящен теме «Процессы по асеебии 30-х гг. V в. до н.э. в контексте политической жизни Афинского полиса». Т.В. Кудрявцева подчеркнула, что «громкие дела» 30-х гг. V в. до н.э. (процессы друзей и близких Перикла – скульптора Фидия, философа Анаксагора, Аспасии) носят «заказной» и политический характер: их инициаторы стремились не столько покарать виновных в преступном деянии, сколько подорвать позиции «первого мужа». В докладе было отмечено использование религиозного консерватизма, моментами переходящего в мракобесие, как оружия в этой политической борьбе, – все эти процессы были прямо или косвенно обвинениями в нечестии, что подтверждает, что в Афинах, как и в других греческих полисах, религиозные чувства и интересы были тесно связаны и смешаны с политическими. Попытки поставить под сомнение историческую достоверность данных процессов, предпринимаемые некоторыми учеными с целью снять обвинения в преследовании «инакомыслящих» с афинского демоса и демократии, по мнению автора доклада, следует признать неубедительными.

Темой доклада студентки III курса кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ О. Рыканцовой «“Безбожие” Сократа в комедиях Аристофана» стал образ Сократа, представленный в комедии Аристофана «Облака» (423 г. до н.э.). Как отметила О. Рыканцова, в этой комедии отражены изменения, появившиеся в системе воспитания афинских граждан во второй половине V в. до н.э. под влиянием некоторых направлений философской мысли, распространенных в то время. По мнению автора доклада, образ Сократа, ярчайшего представителя нравственной философии, ставшего в комедии проповедником новой обобщенной системы воспитания, вообрал в себя многие черты софистов, натурфилософов и подвергся осмеянию за неоднозначное влияние, которое они оказывали на воспитание афинских граждан в нелегкий период Пело-

поннесской войны, ведь через четверть века после постановки комедии Сократ в действительности был приговорен к смерти по обвинению в нечестии и развращении молодежи. О. Рыканцова заключила, что под гнетом военных поражений афиняне восприняли учение Сократа как то новое, что еще больше отдаляет их от старых времен славных побед.

В докладе «“Религиозная реформа” Нумы Помпилия» студент IV курса кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ А. Васильев затронул проблему доверия к традиции в вопросе о приписываемых второму римскому царю преобразованиях в римской религиозной организации. Соглашаясь с тем, что в данном вопросе мы можем опираться исключительно на традицию, студент попытался отделить достоверное зерно в ней от позднейших наслоений. Основными целями мероприятий, которые проводил Нума Помпилий, в докладе признаются консолидация официального культа, закрепление результатов латино-сабинского синойкизма, укрепление собственной власти через освящение ее сакральным правом. Именно создание (возможно, и в письменной форме) некоторых основ римского сакрального права и реформа календаря явились важнейшими мероприятиями второго римского царя. При этом общее отношение традиции к личности Нумы, по мнению А. Васильева, скорее всего, объясняется его реформой, возвысившей коллегия понтификов, которая и стала постепенно центром собирания исторических свидетельств о прошлом и настоящем.

Последние два доклада первого дня конференции были посвящены проблеме императорского культа в древнем Риме, его становлению и эволюции. В докладе «Становление культа императора в литературе периода принципата Августа» Н. Чухонина, студентка III курса вечернего отделения кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ, подчеркнула, что тема принципата Августа актуальна в исторической науке уже на протяжении не одного столетия. Основной задачей докладчика было показать роль «придворных поэтов» в идеологической политике Августа и становлении культа императора в древнем Риме. Основными источниками при этом стали сочинения Тибулла, Проперция, Вергилия, Овидия и Горация. На их примере было показано, что именно официальная литература эпохи принципата создала тот образ Божественного Августа, который в дальнейшем стал основой его религиозного почитания. В заключение было отмечено, что слабая республиканская оппозиция уже не могла заглушить голоса певцов режима.

Доклад студентки IV курса факультета теории и истории искусств Академии Художеств им. И.Е. Репина (СПбГАИЖСА) М. Назаровой «Кризис императорского культа в III в. (по материалам собрания Эрмитажа)» был посвящен эволюции, которую претерпела в I-III вв. н.э. традиция изображения императрицы в образе богини или верховной жрицы. В своих выводах М. Назарова основывалась, прежде всего, на анализе портрета Юлии Корнелии Салонины из собрания Государственного Эрмитажа. В докладе была дана характеристика официальных изображений императриц, выявлены новые черты и тенденции на основе сравнения с портретом Ливии Августы, также находящимся в собрании Государственного Эрмитажа. М. Назарова отметила особенности исполнения женских портретов III в. н.э. как в плане технико-технологического, так и общехудожественного подхода, при этом она сделала акцент на изменении отношения римлян к божественному образу правителя, происшедшем в III в. н.э., когда от прежней эмоционально-идеологической нагрузки осталась только дань традиции. Наряду со скульптурой в докладе был проанализирован нумизматический материал и изображения на геммах и камнях. Как итог были выявлены свойственные III в. н.э. стремление к манерности и декоративности, придающей памятникам необычайную выразительность.

Второе заседание (27 февраля), посвященное ранней истории христианства и его взаимодействию с античной религиозной традицией, открылось докладом доцента кафедры истории древней Греции Рима СПбГУ А.Д. Пантелеева «Христианство и эллинизм: конфронтация и диалог двух мировоззрений». Автор обратился к такому сюжету, как отношение христиан к римским мимам. Наряду с обычно высказываемыми соображениями об идолопоклонстве как причине неприятия верующими зрелищ, докладчик обратил внимание на то, что христиане во время этих постановок могли подвергаться казни. Многие римские мимы заканчивались смертью главного героя («Геркулес», «Дедал», «Лавреол» и др.), причем актера-профессионала перед развязкой подменял приговоренный к смерти преступник, который мог быть и христианином. Конечно, сами христиане относились к этим мимам крайне отрицательно: с одной стороны, сохранивший верность Христу погибал в ходе языческого представления, а с другой, – эти мимы давали возможность сохранить жизнь «преступнику», не отрекаясь от Христа.

Следующие три доклада были связаны с проблемой эволюции взаимоотношений христианской церкви и государства в античности. Доклад Д. Счастливой, студентки II курса вечернего отделения кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ, «Отношение императорской власти к христианству: Диоклетиан – Константин» был посвящен переломному моменту этих взаимоотношений на рубеже III-IV вв. н.э. В своем докладе автор попыталась посмотреть на историю утверждения новой веры и оценить позицию Диоклетиана и Константина в отношении христианства не только с точки зрения христианской церкви. По мнению Д. Счастливой, и Диоклетиан, и Константин, каждый по-своему, знаменовал собой особую эпоху в жизни государства и жителей Империи.

Легенда об обращении Константина, занимавшая особенное место в развитии отношений императора и церкви, стала темой доклада студентки VI курса вечернего отделения кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ Е. Пак «Видение Константина во время Мульвийской битвы: чудо пылающего креста». Согласно этой легенде, накануне битвы у Мульвийского моста через Тибр (28 октября 312 г.) Константин увидел в небе пылающий крест, а на следующий день он велел изобразить на щитах воинов монограмму из первых букв имени Христа, говоря, что так велел ему сам Христос. Автор доклада объясняет действия Константина накануне Мульвийской битвы отчасти политическим расчетом, отчасти религиозными чувствами. Константин был представителем «новой» аристократии, ищущей пути выхода из духовного кризиса с помощью новых, более сильных и убедительных культов. По мнению Е. Пак, Константин сделал ставку на христианство и не ошибся, но его воззрения в 312 г. были еще не христианскими, а вполне языческими.

Еще одной важной странице взаимоотношений императорской власти и христианства был посвящен доклад студентки IV курса музыкально-педагогического факультета СПбГУКИ К. Зуден «Юлиан Отступник и попытка языческой реакции». В своем докладе студентка поставила задачу проанализировать личность императора Юлиана, раскрыть основные причины и характерные особенности языческой реакции, показать, почему христианство в итоге восторжествовало. По мнению автора, попытка языческой реакции, не получившая широкой поддержки, была обречена на неудачу: император не смог предложить достойной и равноценной замены христианству, ведь утонченная философия неопла-

тонизма, поддержанная Юлианом, не могла стать популярной среди населения, так как оставалась ему чуждой.

В докладе «Христианский апологет Арнобий о язычестве» студента IV курса кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ А. Каргальцева были рассмотрены взгляды Арнобия, высказанные им в «Семи книгах против язычников» (к. III - н. IV вв.). Это произведение было создано апологетом для подтверждения своей искренности в решении принять христианскую веру, что определило отношение автора к языческому культу. Автора доклада заинтересовала главным образом попытка Арнобия примирить язычество с христианством и отведение места языческим богам подле Всевышнего. По его мнению, Арнобий устанавливает некоторую интеллектуальную планку, обращаясь к читателю хорошо знакомому с современной и классической греко-римской философией, иными словами, к интеллектуалам, потерявшим всякую надежду в смутное время гражданских войн, эпидемий и прогрессирующей разрухи. Как подчеркнул А. Каргальцев, христианские взгляды Арнобия вырастают из его уже устоявшегося ко времени написания апологии мировоззрения, в основе которого лежат снобизм римского интеллектуала и сложившаяся на основе философского учения картина мира, в которой не хватало до определенного момента самого важного элемента – Бога-творца.

Доклад аспиранта I курса кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ А.С. Волчкова «Христианская община в мире профессиональных и религиозных союзов Римской империи I–II вв. н.э.» был посвящен проблемам античных микросообществ. Как известно, античное общество было пронизано множеством горизонтальных взаимосвязей, которые выражались в членстве в религиозных, профессиональных, этнических объединениях и союзах. Участие в жизни разнообразных коллегий давало жителю античного города ощущение социальной защищенности, удовлетворяло нужду в общении и позволяло вступать в отношения товарищества, социального и экономического партнерства. Автор доклада попытался разобраться в сложном вопросе о месте христианской общины, еkkлeсии, среди множества профессионально-религиозных союзов и объединений. Как показал докладчик, рассматривать внутреннюю жизнь христианских еkkлeсий именно в этом ракурсе представляется вполне уместным и научно продуктивным. По мнению А.С. Волчкова, внутренняя жизнь еkkлeсий, их отношение к окружающему миру, социальные функции этих со-

юзов представляются во многом тождественными тем, которые характеризуют нехристианские коллегии.

Подводя итоги работы конференции, О.В. Кулишова, куратор студенческого научного кружка кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ, в своем заключительном выступлении отметила несомненное внимание аудитории к различным вопросам религиозной жизни античного общества, разнообразие тематики докладов, связанных с проблемами как классической религии античной гражданской общины, так и христианства античной эпохи. О несомненной значимости научного общения студентов и преподавателей в формате подобных конференций свидетельствовало и заинтересованное обсуждение докладов. В заключительном обмене мнениями подчеркивалось, что при проведении студенческих научных конференций весьма плодотворным представляется дальнейшее укрепление межвузовского студенческого сотрудничества.

Памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина (1933-2008)

30 сентября 2008 г. ушел из жизни видный российский ученый-востоковед, академик Российской Академии наук Григорий Максимович Бонгард-Левин.

Вся жизнь Г.М. Бонгард-Левина была наполнена напряженной творческой работой, благодаря которой он стал крупнейшим специалистом и одним из признанных авторитетов в области древней истории. Григорий Максимович является автором многочисленных исследований по древнеиндийской цивилизации, среди которых крупнейшие: «Древняя Индия. Исторический очерк» (совместно с Г.Ф. Ильиным, 1969); «Индия эпохи Маурьев» (1973); «От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история» (совместно с Э.А. Грантовским, 1974) и др. Книги и статьи Н.М. Бонгард-Левина переведены на многие иностранные языки.

Г.М. Бонгард-Левин являл собой редкий пример прекрасного сочетания качеств талантливого ученого и блестящего организатора научной работы. Более 20 лет он являлся главным редактором академического журнала «Вестник древней истории», в последние годы возглавлял Отдел древней истории Института все-

общей истории РАН. Он был создателем и руководителем Центра сравнительного изучения древних цивилизаций. Г.М. Бонгард-Левин огромное внимание уделял воспитанию подрастающего поколения молодых ученых, был внимательным и демократичным наставником младших коллег.

Григорий Максимович выступал организатором и руководителем многих научно-исследовательских проектов, Трудно переоценить его вклад в изучение жизни и творчества М.И. Ростовцева; он был душой и вдохновителем этого проекта, который вылился в публикацию уникальных архивных материалов и ранее не опубликованных научных работ и писем М.И. Ростовцева, равно как и целой серии исследований, посвященных изучению жизни и творчества великого русского ученого. Итогом этой работы явились капитальные издания «Скифский роман» (М., 1997; Государственная премия РФ за 2000 г.), «Парфянский выстрел» (М., 2003). В последние годы Г.М. Бонгард-Левин много внимания уделял научному проекту, связанному с изучением археологических памятников Краснодарского края.

Заслуги Г.М. Бонгард-Левина по достоинству были оценены как в России, так и за рубежом. Он был награжден орденом «Знак Почета» (1983), являлся Лауреатом Государственной премии СССР (1988), Лауреатом Государственной премии РФ (2000). Его деятельность была отмечена международной научной общественностью, он являлся иностранным членом Французской Академии надписей и изящной словесности, Шведской королевской академии и других иностранных академий, кавалером ордена Почетного Легиона, лауреатом премии им. Дж. Неру.

С уходом Григория Максимовича российская наука понесла невосполнимую утрату. Эта утрата долго еще будет ощущаться всеми, кто связан с изучением истории и культуры древнего мира. Светлая память о Григории Максимовиче Бонгард-Левине навсегда останется в наших сердцах.

Коллектив сотрудников кафедры истории древней Греции и Рима и Центра антиковедения Санкт-Петербургского государственного университета

Е.В.Желтова

Памяти Натальи Марковны Ботвинник

Вероятно, почти каждому из нас судьба посылает человека, встреча с которым оказывается своего рода поворотным событием или даже заставляет по-иному взглянуть на мир. Таким человеком для меня стала Наталья Марковна Ботвинник. И не только для меня, но и для многих моих коллег-филологов, и для людей, вовсе не связанных ни с филологией, ни с университетом.

Она родилась 2 февраля 1944 года в г. Енисейске Красноярского края, куда ее родители выехали в эвакуацию из блокадного Ленинграда и где сама Наталья Марковна и ее сестра Ноэми Марковна провели первые десять месяцев своей жизни. Их родители, Ирина Павловна Суздальская и Марк Наумович Ботвинник, были подлинными представителями ленинградской-петербургской научной интеллигенции, с ее презрением к мирским благам и верой в абсолютную ценность научного знания. Оба они внесли большой вклад в российскую науку и культуру: Ирина Павловна была талантливым биологом, доктором биологических наук, свыше 40 лет проработала в ЛГУ и возглавляла лабораторию физиологии клетки при биофаке университета, а Марк Наумович был известным историком античности, автором и соавтором большого количества научных и научно-популярных изданий по истории и культуре Древней Греции и Рима (в том числе знаменитого мифологического словаря), блестящим переводчиком и лектором. Культурная среда, в которой воспитывались сестры Наталья и Ноэми и в которой переплетались гуманитарные и естественнонаучные интересы, имела глубокие корни: их дед, Н.Р.Ботвинник, был знаменитым врачом-офтальмологом Военно-медицинской Академии (среди его пациентов, между прочим, были В.Маяковский и Ф.Шаляпин), а их дядя Ю.П.Суздальский преподавал античную литературу в ЛГПИ им. Герцена. Впоследствии сестры в прямом смысле пошли по стопам родителей: Ноэми Марковна стала биологом, а Наталья Марковна выбрала классическую филологию (впрочем, ее близость к «биологической» среде выдавало, к примеру, проводимое ею на занятиях по латыни сравнение временной ограниченности действия закона ротацизма с аналогичной ограниченностью действия некоторых законов эволюции).

По окончании школы в 1961 году Наталья Марковна поступила на вечернее отделение исторического факультета ЛГУ, однако,

совмещая учебу на истфаке с работой в химико-фармацевтическом институте, а затем в одной из ленинградских школ, посещала в качестве вольнослушателя также лекции преподавателей филологического факультета, на второй курс которого она и перевелась через два года. Ее преподавателями на кафедре классической филологии были ученые, составившие славу отечественной науки: А.И.Доватур, Я.М.Боровский, А.И.Зайцев. Примечательно, что из ее группы дошли до конца обучения всего два человека: Наталья Марковна Ботвинник и Надежда Харлампиевна Керасиди (впоследствии преподаватель Симферопольского университета), дружбу с которой она сохранила на всю жизнь.

В студенческие годы Наталья Марковна увлеклась античной эпиграфикой и в 1967 году под руководством А.И.Доватура защитила дипломную работу «Эпиграфические памятники как источник для изучения торговли Херсонеса в античную эпоху». Училась она увлеченно, и ее живой острый ум, великолепная, почти феноменальная память, высочайшая культура и эрудиция, воспринятые ею в академической среде ее семьи, казалось, должны были обеспечить ей стремительную научную и педагогическую карьеру. Однако политическая атмосфера тех лет, с фактической установкой на затирание людей, не проявляющих горячего сочувствия генеральной линии партии и с подозрительной «пятой графой», привела к тому, что с 1967 (года окончания университета) по 1988 год она оставалась в должности лаборанта кафедры классической филологии (с 1986 г. – получила «повышение» до старшего лаборанта), и только с 1 сентября 1988 г. была избрана на должность ассистента, хотя по своей фактической квалификации и опыту работы уже давно достойна была занять должность доцента.

Однако, будучи лаборантом, она в то же время выполняла преподавательскую работу как на условиях почасовой оплаты, так и на общественных началах, безотказно заменяя своих заболевших или уехавших в командировку коллег. При этом она бралась не только за начальную латынь в разных группах филологического и исторического факультетов, но и читала со студентами латинских авторов любой сложности, и готовила аспирантов-романистов к сдаче экзамена по латинскому языку, и взяла на себя спецкурс по эпиграфике Северного Причерноморья, и ежегодно возила студентов на археолого-эпиграфическую практику в Херсонес. Одновременно Наталья Марковна под руководством А.И.Зайцева работала над кандидатской диссертацией, посвященной античной тра-

диции об Александре Македонском, выступала на международных научных конференциях в Ленинграде, Тбилисе и Ереване, публиковала научные статьи, переводила с древнегреческого Геродота и Псевдо-Каллисфена... Излишне говорить о том, что, как лаборант кафедры, она выполняла всю библиографическую и библиотечную работу на кафедре, а также немислимое количество общественных поручений.

Пробегая мысленным взором жизненный путь Натальи Марковны Ботвинник, неизбежно замечаешь, как отразилась на нем судьба страны. Перемена в политическом климате конца 80-х привела к тому, что в 1988 году Наталья Марковна прошла по конкурсу и была, наконец, зачислена в штат преподавателей кафедры классической филологии в должности ассистента, в июне 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию «Редакция я «Романа об Александре», ее место в традиции и жанровая природа» - и дальше все пошло уже своим чередом: в 1991 г. она получила должность старшего преподавателя, в 1994 г. – должность доцента, а в 1997 г. - звание доцента. В эти годы увеличивается и расширяется диапазон читаемых ею курсов: помимо комментированного чтения античных авторов она становится одним из главных лекторов, читающих общий курс лекций по истории античной литературы, преподает римскую литературу студентам отделения истории Древней Греции и Рима, руководит курсовыми, дипломными, а затем магистерскими и кандидатскими работами. Впечатляет разнообразие тем, по которым защищались ее студенты и аспиранты, - разнообразие, требующее от научного руководителя известной смелости и в то же время щедрости (ведь на каждую новую тему затрачивается много сил и времени). В этот круг тем входят близкие ей Александр Македонский и Причерноморская эпиграфика, наблюдения над жанровыми и стилистическими особенностями «Метаморфоз» любимого ею Апулея и над женскими образами не менее любимого Тацита, рукописи не очень ей близкого Августина и панегирики совсем уж не близкого Сидония Аполлинария, наконец, совершенно «экзотическое» для филологов наследственное и морское римское право.

То был период не только официального признания ее деятельности в университете, но и наиболее плодотворной научной работы. Она много печаталась и выступала с докладами на конференциях в Санкт-Петербурге, Симферополе, Берлине, Иерусалиме и других городах.

Уже в молодые годы определились направления научных интересов Натальи Марковны. Во-первых, эпиграфика и история Северного Причерноморья, которым была посвящена дипломная работа, а в последствии опубликована статья «Почему Херсонесская присяга запрещает вывозить хлеб, «собираемый с равнины?»» (*Philologia classica*, вып. 5. Изд-во СПбГУ, 1997), сценарий учебного фильма «Херсонес – памятник античности» (Ленинград, 1982), методические указания к ведению археолого-эпиграфической практики в «Херсонесском историко-археологическом заповеднике» (Изд-во Симферопольского гос. университета, 1997).

Во-вторых, позднеантичный «Роман об Александре» Псевдо-Каллисфена и его многочисленные переработки. Восемнадцать из 58 публикаций Натальи Марковны, не считая диссертации, посвящены этой интереснейшей теме. Вот некоторые из них: «Египетский фараон Нектанеб в новой редакции «Романа об Александре» (Труды международной конференции «Эйрене». Ереван, 1976); «Преобразование исторической традиции в народном повествовании. «Роман об Александре» (реминисценции из Геродота)» (*Philologia classica*, вып. 2. Ленинград, 1982); «Легенда о Буцефале в различных версиях «Романа об Александре» («Античный мир и мы». Саратов, 2004). Третьей областью ее научных интересов была рецепция античности в творчестве Пушкина: «О стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» (Временник Пушкинской комиссии. Ленинград, «Наука», 1979); «Два «Памятника». Пушкин и Гораций» (IV Крымские Пушкинские чтения. Феодосия, 1994); «Гомеровский мотив в стихотворении Пушкина «Прозерпина» (Пушкин и славянский мир. V Крымские чтения. Алупка, 1995).

Но все-таки главной ее стихией было преподавание. Однажды она сказала мне: «Больше всего на свете я люблю делать две вещи: читать книги и преподавать». Преподавала она невероятно много, увлеченно и виртуозно. Кроме университета, Наталья Марковна преподавала латынь в медучилище, в Музее истории религии и атеизма, на Высших гуманитарных курсах, в Санкт-Петербургской классической гимназии - школе, созданной в 1989 году под влиянием идеи о необходимости возрождения классического образования, исходившей, в первую очередь, от ее учителей Я.М.Боровского и А.И.Зайцева. С начала 90-х годов ее жизнь была связана с гимназией не меньше, чем с университетом. Она не только учила детей понимать и любить античность, но и была

заместителем директора по научной работе, участвовала во всех важнейших событиях, происходивших в этой школе. Придя туда из вузовской аудитории, она сразу сумела не просто найти подход к детям, но по-настоящему увлечь их, так что юные гимназисты, как и студенты, испытали на себе обаяние ее личности.

В ее манере преподавать не было ничего искусственного, нарочитого, не было никакого пафоса, она никогда не «вещала»: в преподавании реализовывался, возможно, самый яркий ее талант – талант общения. Объясняя грамматику, толкуя трудные места у античных авторов, читая лекции по литературе, она обращалась к студентам и ученикам скорее как собеседник, чем как наставник, позволяя себе разнообразные отступления, проводя языковые параллели и находя соответствия между древней и современной историей, между античной и русской литературой, вкрапляя исторические анекдоты и забавные случаи из собственной жизни и преподавательской практики, пересыпая все это блестками своего неподражаемого остроумия. Она была великолепным рассказчиком, умным и ироничным, с необыкновенным чувством юмора, спасавшим ее в самые трудные минуты, и где бы она ни оказалась, вокруг нее всегда было много друзей.

Она любила людей. Люди были ей интересны, причем этот интерес имел не созерцательный, а деятельный характер. Ее наблюдательность, психологическое чутье и абсолютная убежденность в том, что чужого горя не бывает, делали так, что Наталья Марковна всегда оказывалась рядом в трудную минуту и помогала, даже если нуждавшийся в помощи человек ее об этом не просил и – более того – не догадывался, от кого исходит помощь. Просто от ее присутствия в этом мире люди чувствовали себя более защищенными.

Друзья Натальи Марковны хорошо знают, какой она, столь отзывчивая и чуткая к людям, была в кругу близких, с какой теплотой относилась к своим родителям, сестре, мужу Евгению Николаевичу Грузову, горячо любимому сыну Роману, племянницам Стеше и Саше и их детям – своим внукам, как она гордилась своими родными, как волновалась за них.

Наталья Марковна была человеком исключительного мужества. Последние три года она тяжело болела, но не оставляла при этом ни одного из своих многочисленных видов деятельности: преподавала в университете и в гимназии, занималась научно-методической и редакторской работой, организовывала конферен-

ции и заседания, посвященные памяти учителей и коллег, выступала с докладами, писала рецензии... Только близко знавшие ее люди понимали, чего ей это стоило, но она до самого конца оставалась верна не раз высказывавшемуся ею принципу: пока ноги носят, надо работать. Вот почему для большинства людей ее уход показался таким неожиданным...

От нас ушел человек необыкновенной нравственной силы, отзывчивый, открытый, светлый, жизнерадостный. Эта потеря невосполнима. Особенно тяжела она для семьи, но и все, кто ее знал, разделяют в этот тяжелый момент боль утраты. Наталья Марковна Ботвинник навсегда останется в нашей памяти, она продолжает жить в своих трудах, в своих родных, друзьях, учениках.